

Резо Габриадзе: я достаточно стар, чтобы ставить мюзикл

Коммерсантъ. 2005. 19 мая. — С. 22

гастроли театр

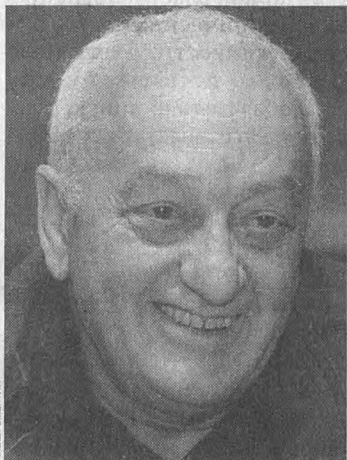
В рамках фестиваля «Черешневый лес» знаменитый тбилисский Театр-студия под руководством Резо Габриадзе показывает спектакли «Сталинградская битва» и «Осень нашей весны». О своей жизни в Тбилиси и о планах на будущее **РЕЗО ГАБРИАДЗЕ** рассказал **РОМАНУ ДОЛЖАНСКОМУ**.

«Давайте зайдем куда-нибудь чаю выпить», — предложил Резо Габриадзе, когда мы встретились на ступеньках театра „Современник“, где проходят гастроли, — тут есть одно заведение такое старое, совсем советское». Прежде чем сесть за столик, он трогал пластик стен и столики, приглашая меня тоже восхититься сохранностью уходящей фактуры.

— Это все надо обязательно сохранить. Это время...

— **Где вы сейчас проводите большую часть времени?**

— В Грузии. И в самолетах! Но в основном в Тбилиси, у себя в театре. Хотя мы много ездим на гастроли. Но сам я стал ездить меньше. Если полет занимает больше четырех часов, я остаюсь дома. Не могу, тяжело. Хотя ездить обожаю. Надо все время передвигаться: суть теат-

ПАВЕЛ СМЕРТИН

ра в движении. Как и суть жизни. А театр, простите за банальность, — это модель жизни.

— **Тогда вопрос про Тбилиси...**

— Вот интересно, что вы сейчас спросите? То же самое, что у меня все здесь спрашивают?

— **В смысле про политику, про отношения с Россией? И не собирався. Мне интересно, в каких условиях живет ваш театр в Тбилиси? Помогает ли государство? Есть ли возможность играть? Понимают ли молодые зрители ваши спектакли?**

— Помогают, конечно. Мы играем. Понимает ли наша молодежь «Сталинградскую битву»?

Меня даже немножко удивляет вопрос. Спектакль этот везде идет одинаково: и в Линкольн-центре, и на Монмартре. Никогда и нигде мы не сталкивались с непониманием. Но есть две страны, где его воспринимают особенно глубоко. Первая, конечно, Россия. А вторая — Германия. В Германии нам столько аплодировали, так благодарили, что я не знаю... Ну, про нью-йоркского зрителя я даже не говорю: он великолепен сам по себе. Его невозможно провести, обмануть, потому что он видел все на свете.

— **Но нью-йоркские зрители наверняка наполовину состоят из бывших русских зрителей?**

— Нет, мы были у настоящих американцев. Эмигрантов среди зрителей не было, кроме Миши Барышникова и Юза Алешковского. Я этим очень горжусь.

— **Вы слышали про дискуссии, которые у нас сегодня ведутся о судьбах репертуарного театра?**

— Только по слухам, по случайным разговорам. Мне грустно становиться от того, что идея репертуарного театра уходит. Но тут ничего не поделаешь.

Понятно, что властям у нас было легче контролировать именно репертуарные театры, где все разложено по полочкам. Как Переделкино — великолепная выдумка: все писатели в одной деревне, все на виду, а то еще, чего доброго, новый Достоевский где-то объявится... У репертуарного театра, как у всего на свете, есть плюсы и минусы. Благодаря репертуарному театру складывается национальная классика, живущая вне времени. Но минусов у него, наверное, столько же, сколько и плюсов.

— **Один из явных плюсов в том, что хорошие спектакли можно пересматривать через много лет. Например, ваши спектакли, которые сейчас опять приехали в Москву.**

— Здесь немножко другое. В той области театра, которой я занимаюсь, есть спектакли, которые не изменяются веками. Потому что тут мы имеем дело с живописью, скульптурой, чистой драматургией. Но есть драматургия жизни, которая вмещается в драматургию театра. Вообще, я за то, чтобы писалось много-много новых пьес. Потому что мы заранее знаем, что

только одна из ста окажется хорошей. Это как ковш, которым очень долго надо черпать пустую породу, чтобы наконец выкопать бриллиант. А достать бриллиант необходимо!

— **Сколько у вас сейчас в репертуаре спектаклей?**

— Пять. У нас проблемы со складированием. Помещение маленькое, а спектакли нужно где-то хранить. Я расселил их по деревням в Грузии, кое-что в Швейцарии у друзей оставил.

— **Вам не страшно, что спектакли стареют?**

— Зритель тоже старится, он становится другим. Зачем мы разделяем театр на сцену и зал? Это же один организм! На те два часа, что идет спектакль. И если нет единого организма, то театр не состоялся. Но потом зритель уходит в свою жизнь. А как можно сохранить одну часть организма, если другая ушла? Поэтому каждый раз надо начинать жить заново.

— **Вы часто ходите в другие театры?**

— Я мюзиклы очень люблю. И всегда попадаю в неловкое положение некультурного человека: меня упрекают за то, что я люблю Бродвей. А я правда люблю! «Моя прекрасная леди» —

это шедевр, это радость мира, это великолепно! Он сделан абсолютно безукоризненно, даже серьезная критика признала.

— **Законы жанра выдержаны.**

— Да и вне законов тоже! Даже если судить с точки зрения драматического реализма, там все безукоризненно сделано.

— **В Москве не смотрели мюзиклы?**

— Нет еще.

— **А в Грузии не появляются мюзиклы?**

— Мы пока присматриваемся к вашему опыту. Это же больших денег стоит. Хотя мы еще в Советском Союзе хорошо научились обращаться с бедностью, то есть из последней помойки делать искусство. Но гордиться этим нечего, нельзя. А вообще, грузинам положено бы заниматься мюзиклами. Петь мы умеем, кое-что в этом деле понимаем. Я как раз мюзиклом сейчас и занимаюсь у себя в театре в Тбилиси. Делаю эскиз большой постановки. Только название скажу, подробнее из суеверия пока не расскажу. Называть это будет «Локомотив».

— **Неужели вы будете ставить мюзикл?**

— Да! Я достаточно стар, чтобы ставить мюзикл.